

Archibald Joseph
CRONIN
1896–1981

Арчибальд
КРОНИН

Юные годы
•
Путь Шеннона

Романы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 83

A. J. Cronin
THE GREEN YEARS
Copyright © A. J. Cronin, 1944
SHANNON'S WAY
Copyright © A. J. Cronin, 1948
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Кудрявцевой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-18686-6

© Т. А. Кудрявцева (наследники),
перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Юные годы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Крепко держась за мамину руку, я вышел из-под мрачных сводов железнодорожного вокзала на залитую солнцем улицу незнакомого городка. Я с готовностью доверился своей новой маме, хотя до сих пор ни разу не видел ее, а ее изнуренное, озабоченное лицо, с выцветшими голубыми глазами, совсем не было похоже на лицо моей покойной мамочки. Никакой особой любви к маме я не почувствовал: даже шоколадка, которую она купила мне у автомата, не расположила меня к ней. Всю дорогу из Уинтона, пока мы медленно тащились в вагоне третьего класса, мама сидела напротив меня; на ней было поношенное серое платье, заколотое большой брошью из дымчатого кварца, тоненькая меховая горжетка и черная шляпа, широкие поля которой ниспадали ей на уши; склонив голову набок, она смотрела в окно, и губы ее шевелились, словно она беззвучно, но весьма оживленно беседовала сама с собой; время от времени она прикладывала к уголку глаз платок, точно хотела смахнуть назойливую муху.

Но как только мы вышли из вагона, она постаралась стряхнуть с себя мрачное настроение, улыбнулась и крепче сжала мою руку.

— Вот умница: перестал плакать. Ну как, дойдешь пешком до дома? Это не очень далеко.

Мне хотелось угодить ей, и я ответил, что, конечно, дойду; поэтому мы не сели в кеб, одиноко поджидавший пассажиров у выхода из вокзала, а направились

по главной улице, и мама, пытаясь развлечь меня, показывала мне все достопримечательности, мимо которых мы проходили.

Мостовая у меня под ногами то вздымалась, то опускалась, в голове все еще отдавался грохот валов Ирландского моря, а в ушах стоял гул от стука машин на «Вайпере». И все-таки, когда мы подошли к красивому зданию с колоннами из полированного мрамора, стоявшему чуть в стороне от тротуара, позади двух чугунных пушек и флагштока, я услышал, как мама сказала с затаенной гордостью:

— Это ливенфордский муниципалитет, Роберт. Мистер Лекки... наш папа... служит тут: он заведует отделом здравоохранения.

«Папа, — попытался осмыслить я. — Муж этой мамы... отец моей покойной мамочки».

Я устал и еле волочил ноги; мама озабоченно поглядывала на меня.

— Какая жалость, что трамваи сегодня не ходят, — сказала она.

А я и не предполагал, что так устану; да и напуган я был изрядно. Серый свет сентябрьского дня безжалостно озарял городок, мощный булыжником и полный всяких незнакомых звуков, совсем не похожих на привычное шуршание машин, пролетавших мимо раскрытых окон нашего домика в Феникс-Кресцент. Из доков доносился громкий перестук молотков, а из труб Котельного завода, на который мама указала мне пальцем в лопнувшей перчатке, вырывались такие страшные языки пламени и пара! На улице перекладывали трамвайные пути. На углах ветер завихрял пыль, она засоряла мои распухшие от слез глаза и забиралась в горло.

Вскоре, однако, весь этот шум и грохот остались позади: мы пересекли городской сад, посередине которого поблескивал пруд и возвышалась круглая эстрада

для оркестра, и вышли на тихую окраину, казавшуюся маленькой деревушкой, уютно притулившейся у лесистого пригорка. Тут были и деревья, и зеленые поля, несколько допотопных лавчонок и домиков, кузница и возле нее колода, из которой поили лошадей, а совсем неподалеку выстроились новенькие виллы со свежыкрашенными железными оградами и аккуратными клумбами, и у каждой виллы — высокопарное название вроде «Обитель Эллен» или «Гленэльг», выведенное золотом по цветному стеклу круглого оконца над входом.

Дойдя до середины Драмбакской дороги, мы наконец остановились у серого двухэтажного домика из песчаника, примыкающего к другому, точно такому же; в окнах его виднелись кремовые тюлевые занавески, а надпись над дверью гласила: «Ломонд Вью». Это был самый невзрачный дом на всей тихой улочке — только двери и окна были облицованы камнем, стены же так и остались неотделанными, что явно свидетельствовало о скудости средств владельца; неприглядность постройки скрашивал палисадник, в котором пышно цвели желтые хризантемы.

— Ну вот мы и пришли, Роберт, — заявила миссис Лекки все тем же прочувствованно-радушным тоном, потеплевшим от сознания, что мы наконец прибыли домой. — В ясную погоду отсюда открывается прелестный вид на гору Бен. Хорошо тут у нас: до деревни Драмбак рукой подать. Ливенфорд — старый, прокопченный город, но вокруг чудесные места. Вытри глазки — вот так, миленький, и пойдем в дом.

Носовой платок я вытряхнул вместе с печеньем, когда кормил чаек, но глаза я все-таки вытер и послушно вслед за мамой завернул за угол дома; сердце у меня снова заколотилось от страха перед тем неведомым, что ждало меня. В ушах моих еще звучали слова нашей дублинской соседки, миссис Чэпмен; движимая

самыми лучшими материнскими чувствами, она неосторожно сказала, целуя меня в то памятное утро на уинтонской пристани, прежде чем навсегда отдать маме: «Что-то будет с тобой дальше, бедненький мой!»

Подойдя к двери, мама остановилась: молодой человек лет девятнадцати, стоя на коленях, рыхлил цветочную клумбу; завидев нас, он поднялся, но лопаты из рук не выпустил. Вид у него был сосредоточенный и флегматичный; одутловатые бледные щеки, черные лохматые волосы и большие очки с сильными стеклами, за которыми его близорукие глаза казались совсем крошечными, лишь подчеркивали это впечатление.

— Опять ты за свое, Мэрдок! — не удержавшись, с мягкой укоризной воскликнула мама. И, слегка подтолкнув меня вперед, добавила: — Это Роберт.

Мэрдок тупо уставился на меня. Позади дома был дворик с аккуратно подстриженным газоном, по одну его сторону — грядка ревеня, по другую — куча ноздреватого серого шлака и золы, спасительного средства от слизняков, а по углам — железные столбики, к которым прикреплялись веревки для сушки белья. Наконец Мэрдок весьма торжественно изрек:

— Так, так... Вот он, значит, и прибыл.

Мама кивнула — в глазах ее снова появились тревога и печаль; а Мэрдок чуть ли не театральным жестом уже протягивал мне свою широкую мозолистую, заскорузлую от общения с кормилицей-землей руку.

— Рад с тобой познакомиться, Роберт. Можешь рассчитывать на меня. — И, поспешно глянув сквозь свои большие очки в сторону мамы, добавил: — Эти астры мне дали в питомнике, мама. Они не стоили мне ни пенса.

— Хорошо, мой дорогой, — сказала мама, поворачиваясь и направляясь в дом, — только смотри успеешь вымыться до папиного прихода. Ты же знаешь, как он сердится, когда застаёт тебя здесь.

— Я уже заканчиваю. Сейчас приду. — И прежде чем снова опуститься на колени, Мэрдок добавил, чтобы умиротворить мать, уже входившую со мной в дом: — Я там поставил для тебя картошку на огонь.

Мы прошли через маленький чуланчик и очутились на кухне, которая, судя по обстановке, служила также столовой: в ней стояла неудобная резная мебель из красного дерева, стены были оклеены тисненными обоями в кубиках, на одной из них неистово и гулко тикали часы. Велев мне сесть, мама вынула из шляпы длинные булавки и, держа их во рту, принялась складывать вуаль. Потом приколола вуаль к шляпе, повесила ее вместе с пальто в нишу, задернутую занавеской, сняла с гвоздика за дверью синий халат, надела его и принялась уверенно сновать по вытершемуся коричневому линолеуму, время от времени ободряя меня ласковым взглядом, а я сидел не шевелясь на краешке мягкого стула у плиты и еле осмеливался дышать в этом чужом для меня доме.

— Сегодня будем обедать вечером, дружок: раньше я ничего не успею приготовить. И постарайся не плакать, когда придет папа. Для него ведь это тоже большое горе. А у папы и так уйма забот — шутка ли, занимать такое положение в городе! Кейт — это моя вторая дочка — тоже сейчас придет. Она учительница... Твоя мама, наверно, говорила тебе о ней. — Увидев, что у меня задрожала губа, она поспешно добавила: — О, я прекрасно понимаю, что даже для такого большого мальчика страшновато впервые очутиться среди маминой родни. Но обожди, это еще не все, — пошутила она, стараясь вызвать на моем лице улыбку. — У меня есть старший сын, Адам, он замечательно устроился в Уинтоне в одной страховой компании; он живет отдельно, но навещает нас, как только у него выдается свободная минутка. Потом есть еще папина мама... Сейчас она гостит у своих друзей... но почти по полгода живет

с нами. И наконец, мой папа; он всегда живет с нами — это твой прадедушка по линии Гау. — У меня уже голова шла кругом от этого перечисления незнакомых мне родственников, но мама, слегка улыбнувшись, продолжала: — Знаешь, что я тебе скажу: не у всякого мальчика есть прадедушка. И тот, у кого он есть, может гордиться этим. Для краткости ты, конечно, можешь звать его просто «дедушка». Вот я сейчас приготовлю ему поесть, а ты отнесешь поднос наверх. Поздороваться с ним, а заодно и мне поможешь.

Руки у мамы были проворные, и за это время она не только успела накрыть стол на пять человек, но и достала облупившийся черный японский поднос овальной формы с нарисованной посередине розой, поставила на него занятную чашку из ребристого белого фарфора, полную чая, блюдечко с джемом, сыр и три кусочка хлеба.

Эти приготовления удивили меня, и слегка охрипшим голосом я спросил:

— А разве дедушка не спускается к столу?

Мама явно смутилась.

— Нет, дружок, он ест у себя в комнате. — Она взяла со стола поднос и протянула мне. — Донесешь? Вот тут лестница — прямо на второй этаж. Только смотри будь осторожен, не упади.

Держа перед собой поднос, я стал неуверенно взбираться по шатким крутым ступеням незнакомой мне лестницы; посередине ее лежала блестящая дорожка из линолеума. Угасающий свет дня еле проникал сюда через высокое оконце в потолке. На площадке второго этажа, напротив вделанного в стену титана, я увидел две двери. Подергал одну из них — заперта. До другой едва дотронулся — она сразу поддалась.

Я вошел в незнакомую, чудную и страшно захлавленную комнату. В углу стояла высокая медная кровать с покосившимися шишками; она была еще не при-

брана, и пестрое лоскутное одеяло небрежно валялось на ней; ковер из медвежьей шкуры у камина был сбит в кучу; полотенце до полу свешивалось с забрызганного умывальника из красного дерева. Внимание мое привлекли черные мраморные часы, какие можно получить только в подарок, а сам себе никогда не купишь, — они лежали на боку среди всякой всячины, загромождавшей каминную доску, а рядом валялся их разобранный на части механизм. В нос мне ударил тошнотворный запах табачного дыма и пицци — смесь весьма разнородных и трудноопределимых ароматов, которые, так сказать, создавали букет этой давно обжитой комнаты.

Мой прадедушка, в дешевеньком грубошерстном костюме и рваных зеленых ковровых туфлях, сидел у заржавевшего камина, весь уйдя в массивное мягкое кресло — не кресло, а развалину, — и уверенно водил пером по большому листу плотной бумаги, лежавшему вместе с переписываемым документом на низеньком столике, покрытом некогда зеленым сукном. По одну руку от старика выстроилась внушительная коллекция палок для гулянья, по другую — длинный ряд глиняных трубок с металлическими чубуками, набитых табаком и готовых к употреблению, возле них — коробочка с полосками газетной бумаги для раскуривания.

Прадедушка был широкоплечий старик лет семидесяти, выше среднего роста, румяный, с копной все еще рыжеватых волос, красиво рассыпавшихся по плечам. Когда-то волосы у него были просто рыжие, но с годами они утратили свою пламенеющую яркость и, еще не успев поседеть, приобрели удивительный, при определенном освещении положительно золотой оттенок. Того же оттенка были буйно курчавившиеся усы и борода деда. Белки его глаз были, правда, все в желтых прожилках, зато зрачки — ясные, а сами глаза — голубые, пронизывающие, не выцветшие, как у мамы, но

живые, ярко-голубые (настоящие незабудки!), чудесные, выразительные глаза. Однако самым примечательным в его лице был нос. Это был крупный нос — крупный, красный и шишковатый; я взирал на него с благоговением, и мне пришло на ум, что он больше всего похож на огромную перезревшую клубнику: и цвет такой же, и даже весь в крошечных дырочках, совсем как эта сочная ягода. Казалось, на лице только и есть что этот примечательный нос — никогда еще я не видел ничего подобного, никогда.

Тут дедушка кончил писать, заложил перо за ухо и медленно повернулся ко мне. При этом сломанные пружины кресла, хотя под них и была подоткнута оберточная бумага, мелодично звякнули, как бы подчеркивая драматизм нашей встречи. Мы молча разглядывали друг друга; я вышел из оцепенения, в которое поверг меня на какой-то миг нос деда, и, представив себе, какую жалкую картину являет собой моя особа: какой я бледный, заплаканный, неописуемо рыжий, в черном костюмчике, купленном в магазине готового платья, один носок спустился, шнурки на ботинках развязаны, — покраснел.

Все еще молча дед отодвинул в сторону свои бумаги и немного нервным, но энергичным жестом указал на свободную теперь часть стола, куда я и поставил поднос. Дед начал есть. Торопливо, с величайшим безразличием ел он сыр вперемежку с джемом и все смотрел на меня, опуская взгляд лишь затем, чтобы размочить корку в чае. Потом залпом выпил чай, рукавом обтер бакенбарды, не глядя протянул руку, точно еда была лишь вступлением к курению или чему-то еще более приятному, и закурил трубку.

— Значит, ты и есть Роберт Шеннон? — Тон у него был сдержанный, но дружелюбный.

— Да, дедушка, — как бы извиняясь, еле выдавил я из себя, не забыв, однако, мамин наказ называть его просто «дедушкой».

— Хорошо доехал?

— Да, дедушка.

— Отличные корабли «Эддер» и «Вайпер»! Мне довелось видеть их у причала, когда я служил в армии. Только у «Эддера» по борту проходит белая полоса — этим они и отличаются друг от друга. А ты умеешь играть в шашки?

— Нет, дедушка.

Он ободряюще и в то же время слегка снисходительно кивнул.

— Ничего, мальчик, со временем научишься, если будешь здесь жить. А насколько я понимаю, ты будешь здесь жить.

— Да, дедушка. Миссис Чэпмен сказала, что больше мне некуда деваться. — Жгучее чувство одиночества, волна жалости к самому себе захлестнули меня.

Вдруг мне ужасно захотелось, чтобы дедушка посочувствовал мне, нестерпимо захотелось раскрыть ему свою душу, поведать о грозящей мне участи. Знает ли он, что мой отец умер от туберкулеза, ужасной наследственной болезни, уже унесшей в могилу двух его сестер, — болезни, с невероятной быстротой сгубившей мою мамочку, болезни, которая, как уверяли, наложила свою печать и на меня?..

Но дедушка, задумчиво попыхивая трубкой, продолжал оглядывать меня с легкой иронической усмешкой, и когда заговорил, то совсем о другом.

— Тебе восемь лет, да?

— Почти восемь, дедушка.

Мне очень хотелось, чтобы он считал меня совсем маленьким, но дедушка был неумолим.

— Ты уже в таком возрасте, когда мальчик должен уметь постоять за себя... Впрочем, надо признаться, ростом ты не вышел... Ну а гулять любишь?

— Мне не приходилось много гулять, дедушка. Когда мы летом ездили отдыхать в Портраш, я гулял по Дороге гигантов. Но только в одну сторону, а об-

ратно мы возвращались по железной дороге в маленьких вагончиках.

— Так я и знал. Ну ничего, мы с тобой совершим несколько прогулок и тогда посмотрим, как на нас подействует добрый шотландский воздух. — Он помолчал немного, как бы впервые обсуждая что-то сам с собой. — Рад, что у тебя мои волосы. Рыжие — в Гау пошел. У твоей бедной мамочки тоже были такие.

Больше я уже не мог сдерживать нахлынувшие на меня чувства и почти по привычке дал волю слезам. Прошла всего неделя, как похоронили мамочку, и одно упоминание ее имени вызывало во мне этот рефлекс, а сочувствие, которое все начинали тотчас проявлять, лишь распалило меня. Однако сейчас ни полногрудая миссис Чэпмен не погладила меня успокаивающе по спине, ни отец Шенли из церкви Святого Доминика не стал изливать на меня свои пропахшие нюхательным табаком соболезнования. Я быстро смекнул, что прадедушка не одобряет моих слез, и мне стало ужасно стыдно; я попытался успокоиться, неловко вздохнул и закашлялся. Я все кашлял и кашлял, пока у меня не закололо в боку, так что я вынужден был схватиться за него. Такого кашля у меня еще никогда не было — у отца моего и то редко бывали такие сильные приступы. По правде говоря, я даже преисполнился гордости и, когда кашель прекратился, выжидательно посмотрел на деда.

Но он не стал успокаивать меня и вообще не сказал ни слова. Просто достал из кармана пиджака жестяную коробочку, нажал на крышку — она отскочила, и он вынул большую плоскую мятную лепешку, которую в народе называют «дружком». Я думал, что дедушка даст ее мне, а он, к моему изумлению и огорчению, спокойно положил ее себе в рот. Затем сурово изрек:

— Не выношу плакс. А твой слезоточивый механизм, Роберт, видно, расположен у самых глаз. Надо

держат себя в руках, мальчик. — Он вынул из-за уха перо и выкатил грудь колесом. — Мне в жизни пришлось преодолеть немало трудностей. И ты думаешь, я сумел бы их осилить, если б согнулся под их бременем?

Дедушка уже собрался с глубокомысленным и весьма напыщенным видом произнести на эту тему целую речь, но в эту минуту на первом этаже зазвонил колокольчик. Он запнулся — как мне показалось, с явным разочарованием — и махнул трубкой, чтобы я шел вниз, а сам снова взялся за перо. Я же, забрав пустой поднос, пристыженный, на цыпочках направился к двери.

ГЛАВА 2

Внизу, на кухне, меня поджидали мистер Лекки, Кейт и Мэрдок, только что вернувшиеся домой, а также мама; молчание, внезапно воцарившееся в комнате, указывало на то, что я был предметом разговора. Подобно большинству детей, выросших без сестер и братьев, я страдал болезненной застенчивостью, которую теперешнее мое положение лишь усугубило; к тому же я смутно догадывался, какая глубокая пропасть разделяла покойную мамочку и мистера Лекки, которого отныне я должен был звать папой, а потому я весь сжался и застыл, не зная, что делать дальше; но тут папа, прихрамывая, подошел ко мне, взял меня за руку, подержал ее в своей и вдруг, нагнувшись, поцеловал меня в лоб.

— Рад с тобой познакомиться, Роберт. Очень сожалею, что мы раньше не встречались.

Тон у него был не злой, как я почему-то опасался, а грустный и подавленный. Не надо плакать, твердил я себе, но очень уж трудно было удержаться, особенно когда Кейт тоже нагнулась и поцеловала меня — неуклюже, но от всей души.

— Ну а теперь давайте садиться за стол! — с напускной веселостью воскликнула мама и показала мне мое место. — Скоро половина седьмого. Ты, наверно, умираешь с голоду, сынок.

Папа, восседавший во главе стола, склонил голову и прочел молитву — длинную чудную молитву, какой я никогда до сих пор не слышал. Чудным показалось мне и то, что он не перекрестился, а сразу стал нарезать дымящееся вареное мясо, лежавшее на овальном блюде перед ним, тогда как мама на другом конце стола накладывала на тарелки картофель и капусту.

— Это тебе! — сказал папа, скупым, размеренным жестом протягивая мне тарелку с таким видом, точно давал самый лучший кусок. Папа был маленький, весьма невзрачный человек лет сорока семи, с узким бледным лицом, на котором поблескивали маленькие глазки. Его черные усы были нафабрены и стояли торчком, а волосы тщательно зачесаны, чтобы скрыть лысину. На лице его читалось еле уловимое выражение покорности судьбе — такие лица бывают у людей добросовестных и трудолюбивых, но либо не получивших признания, либо, по их мнению, недостаточно вознагражденных за это жизнью. На папе был низкий крахмальный воротничок, черный галстук и весьма неожиданный для человека его склада занятный двубортный костюм из синей саржи с медными пуговицами. Форменная фуражка с лакированным козырьком, почти такая же, как у морских офицеров, лежала на комодѣ позади него.

— Ешь мясо с капустой, Роберт. — Папа перегнулся ко мне и потрепал меня по плечу. — Очень питательно.

Под всеми этими взглядами мне нелегко было справиться со странными ножом и вилкой, куда более длинными, чем те, к каким я привык, да и ручки у них были костяные и очень скользкие. К тому же капусту я не люблю, а говядина, маленький ломтик которой лежал

у меня на тарелке, была ужасно соленой и волокнистой. Отец мой имел обыкновение весело утверждать, что «только самое лучшее» должно подаваться у нас к столу в Феникс-Кресцент; он и сам нередко приносил домой после работы что-нибудь вкусное, вроде желе из гуайявы или уитстейблских устриц, а потому я был балованным ребенком и таким капризным и разборчивым в еде, что матери последние полгода нередко приходилось обещать мне шесть пенсов и поцелуй за то, чтобы я съел кусочек цыпленка. Однако сейчас я чувствовал, что не должен вызывать недовольство папы, и давился, но ел водянистые овощи.

Решив, что внимание мое занято едой, папа посмотрел на дальний конец стола, где сидела мама, и, возобновляя прерванный разговор, осторожно и явно не без тревоги спросил:

— Миссис Чэпмен ничего у тебя не просила?

— Нет, ничего, — отвечала мама, понизив голос. — Хотя она, наверно, порядком поистратилась: ведь такие были расходы. По-моему, она хорошая, сердечная женщина.

Папа перевел дух.

— Какое счастье, что в мире еще есть приличные люди! Тебе пришлось взять кеб?

— Нет... везти-то было почти нечего. Он из всего вырос. А вещи, очевидно, забрали те молодчики.

Казалось, папа сейчас задохнется: уставив взгляд в пространство, он с мучительно перекошенным лицом пробормотал:

— Одни сплошные сумасбродства. Чего ж тут удивительного, если после них ничего не осталось.

— Ох, папа, но ведь они столько болели!

— Болели-то много, а вот здравого смысла у них было немного. Ну почему они не застраховали свою жизнь? Застраховались бы — и все было бы в порядке. — Он посмотрел на меня своими глубоко запав-

шими глазами, а я изо всех сил старался поскорее доесть то, что было у меня на тарелке. — Молодчина, Роберт. Учти: в этом доме ни одна крошка не пропадает зря.

Кейт, сидевшая напротив меня и с мрачным видом глядевшая в окно, за которым сгущались сумерки, точно разговор не представлял для нее никакого интереса, улыбнулась мне неловкой ободряющей улыбкой. Ей минул двадцать один год — значит, она всего на три года моложе моей мамочки, а как не похожа на нее. То, что у мамочки было красиво, у нее было безобразно: глаза бесцветные, скулы широкие, а кожа сухая, потрескавшаяся, прыщеватая. Волосы у нее были какого-то неопределенного цвета — нечто среднее между рыжими Гау и черными Лекки.

— Ты, конечно, уже школьник?

— Да. — Я покраснел от одного того, что ко мне обратились: мне было очень трудно говорить. — Я ходил в школу мисс Барти в Кресченсте.

Кейт понимающе кивнула.

— Тебе там нравилось?

— Очень. Если правильно ответишь из катехизиса или по общеобразовательным предметам, мисс Барти давала конфетку — драже из коробочки, которую она прятала в шкафу.

— У нас в Ливенфорде есть отличная школа. Я думаю, тебе там понравится.

Папа откашлялся.

— Я полагаю, что начальная школа на Джон-стрит... принимая во внимание, что и ты там, Кейт... была бы наиболее подходящей.

Кейт перестала смотреть в окно и перевела взгляд на папу — она была возмущена, чуть ли не разгневана.

— Ты же знаешь, что школа на Джон-стрит — пре-паршивая. Он должен учиться в Академической, где мы все учились. Для человека с твоим положением ни о какой другой школе и речи быть не может.

— М-да... — Папа опустил глаза. — Возможно... но только со второй половины семестра... Сегодня у нас четырнадцатое октября, не так ли? Порасспроси-ка его и выясни, в какой класс его надо определять.

Кейт решительно мотнула головой.

— Он сейчас просто умирает от усталости, его надо немедленно уложить в постель. С кем он будет спать?

Этот вопрос вывел меня из дремоты, в которую я все больше погружался, и, усиленно моргая, я уставился на маму, а она медлила с ответом, — очевидно, другие заботы не дали ей возможности обдумать это раньше.

— Он слишком большой, чтобы спать с тобой, Кейт... А у тебя чересчур узкая постель, Мэрдок... да к тому же ты часто засиживаешься допоздна за книгами. А почему бы нам, папа, не положить его в бабушкиной комнате? На время, конечно, пока ее нет дома.

Но папа отклонил это предложение, отрицательно покачав головой.

— Она платит нам хорошие деньги за свою комнату. Мы не можем вторгаться к ней без ее согласия. Да и потом, она скоро вернется.

До сих пор Мэрдок молча ел, флегматично пережевывая пищу, он низко пригнулся и внимательно, точно сыщик, оглядывал каждый кусочек хлеба; время от времени он брал учебник, лежавший рядом с тарелкой, и подносил его к самому лицу, точно хотел понюхать. Сейчас он поднял голову и с деловым видом посмотрел на всех.

— Пусть идет к дедушке. Ничего другого тут не придумаешь.

Папа кивнул в знак согласия, хотя лицо его при упоминании о дедушке омрачилось.

Итак, вопрос был решен. Хотя я наполовину спал, сердце у меня замерло от страха — еще одно звено в цепи моих бед, звено, которому суждено связать меня

с этой странной грозной личностью, живущей наверху. Но возражать я побоялся, да и слишком устал — веки у меня так и слипались. Тут Кейт отодвинула свой стул и поднялась.

— Ну, пойдем, дружок. Мама, у нас есть горячая вода?

— По-моему, есть. Но только оставь и для посуды. Не трать много.

В тесной ванной Кейт помогла мне снять одежду и почему-то покраснела, когда я разделся донага. На самом дне вделанной в пол ванны, до половины желтой и облупившейся, было налито немного теплой воды. Кейт нагнулась и стала мыть меня тряпкой, которую она намыливала большим куском шершавого желтого мыла. Голова у меня так и клонилась на грудь, а веки настолько распухли, что я уже не мог плакать. Я всецело подчинился Кейт: она вытерла меня и помогла мне надеть дневную рубашку. Звякнул крючок на двери ванной. Мы стали подниматься наверх. А там, на площадке, из тумана, где плясали волны, покачивался корабль, ревел паровоз в тоннелях, вдруг выплыл дедушка — он стоял, протянув мне навстречу руки.

ГЛАВА 3

С дедушкой нелегко было спать: он громко храпел, непрестанно ворочался на свалявшемся тюфяке и прижимал меня к стенке. И все же спал я как убитый, только на заре мне приснился нехороший сон. Я увидел отца в длинной белой ночной рубашке; он дышал зеленым чаем, который кипел в небольшом медном чане с красными резиновыми трубками, — средство, к которому один из его товарищей по службе посоветовал прибегнуть, когда другие лекарства уже не помогали. Время от времени отец прерывал лечение и, задорно

блестя карими глазами, смеялся и шутил с моей мамочкой, которая наблюдала за ним, судорожно сжав руки. Потом вошел доктор — пожилой человек с серым, сумрачным лицом. Не успел он войти, как раздался удар грома, в комнату ворвалась большая черная лошадь с развевающимися черными перьями на голове; в горе и ужасе я спрятал лицо в ладони, а мои мама и папа вскочили на лошадь и умчались.

Я был весь в поту, и сердце у меня подступило куда-то к горлу, когда я открыл глаза и увидел, что комната залита солнцем. У окна стоял дедушка, почти одетый, и скатывал скрипучую деревянную штору.

— Это я разбудил тебя? — Он обернулся ко мне. — День сегодня великолепный, и тебе давно пора вставать.

Я спустил ноги с постели и стал одеваться, а дедушка тем временем сообщил мне, что Кейт уже отправилась в школу и Мэрдок тоже ушел — ему ведь надо ехать на поезде в Уинтон: он занимается в колледже Скерри, чтобы потом поступить на государственную службу в почтовое ведомство. Теперь дело только за папой — как только он уйдет на работу, мы можем спуститься вниз. Я был немало удивлен, когда дедушка сообщил мне, что папа хоть и носит такую красивую форму, а работает всего лишь районным санитарным инспектором. Папе очень хочется стать управляющим водопроводным хозяйством, но пока — и тут дедушка еле заметно усмехнулся — ему приходится следить за тем, чтобы помойные ведра и уборные содержались в порядке.

В эту минуту мы услышали, как хлопнула входная дверь и мама позвала нас снизу.

— Ну как вы там ужились вдвоем? — При виде нас на ее озабоченном лице появилась слабая, все понимающая улыбка, точно перед ней были два школьника, от которых только и жди всяких шалостей.

— Отлично, Ханна, спасибо, — вежливо ответил дедушка, усаживаясь в папино кресло с деревянными ручками, стоявшее в конце стола.

Как я вскоре узнал, дедушка только к завтраку выходил из своей комнаты и потому придавал этому ритуалу особое значение. В плите потрескивал огонь, и на кухне было тепло и уютно; возле того места, где сидел Мэрдок, скатерть была вся в пятнах и усеяна крошками. Нам хорошо было втроем; мама взяла жестяную коробку с вангутеновским какао, положила по ложечке в каждую из трех чашек и долила кипятку из большого чайника с черной крышкой.

— Скажите, папа, — начала она, — вы не взяли бы Роберта с собой на утреннюю прогулку?

— Конечно возьму, Ханна. — Дедушка отвечал вежливо, но сдержанно.

— Я знаю, вы всегда стараетесь помочь. — Она говорила так, точно меня тут и не было. — Нелегко это, наверно, будет на первых порах.

— Глупости! — Дедушка обеими руками поднял чашку и поднес ее ко рту. — К чему заранее тревожиться, моя ласточка?

Мама продолжала смотреть на него с грустной, еле уловимой улыбкой; по этой улыбке да по чуть заметному наклону головы я понял, как она его любит. Когда мы заканчивали завтрак, она на минутку вышла и вскоре вернулась с его палкой и шляпой, а также бумагами, которые он переписывал при мне накануне. Она старательно почистила квадратную шляпу, старую и выцветшую, потом затянула потуже тонкую красную тесемку, которой были связаны бумаги.

— Не вам бы заниматься этим, отец. Но вы знаете, какое это для нас подспорье.

Дедушка неопределенно улыбнулся, встал из-за стола и с важным видом надел шляпу. Мама проводила нас до двери. У порога она подошла совсем близко

к дедушке и долгим многозначительным взглядом, в котором читалась затаенная тревога, впились в его голубые глаза. Затем тихо сказала:

— Обещайте мне, папа.

— Тсс, Ханна! До чего же ты беспокойная женщина! — Он снисходительно улыбнулся ей, взял меня за руку, и мы двинулись в путь.

Вскоре мы добрались до конечной остановки трамвая, где стоял красный вагон — еще совсем диковинка в ту пору; кондуктор переставлял дугу, и, когда она соприкасалась с проводами, в воздухе тучей рассыпались голубые искры. Дедушка провел меня на открытую верхнюю площадку и усадил на переднее место. Я крепче сжал его руку, а он искоса бросил мне ободряющий взгляд; в этот момент мы тронулись и с возрастающей скоростью — так, что воздух засвистел в ушах, — покатились, слегка подпрыгивая, под уклон от Толла к Ливенфорду.

— Билеты, пожалуйста. Прошу всех предъявить билеты.

Я услышал щелканье компостера, которым кондуктор на ходу прокалывал билеты, и позвякивание монет в его сумке, но дедушка продолжал смотреть прямо перед собой, опершись подбородком на рукоятку палки; волосы его разлетались по ветру, и ни мой молящий взгляд, ни требование кондуктора не могли вывести его из этого транса. Всецело занятый своими мыслями, он точно окаменел, так что кондуктор в нерешительности остановился возле нас; тогда дедушка, не меняя позы, всем своим видом изобразил такое возмущение: просто, мол, непонятно, как это старинный приятель может так себя вести, а потом с таким заговорщическим и многообещающим видом подмигнул кондуктору, что тот расплылся в смущенной улыбке.

— Ах, это вы, Дэнди, — сказал он и, помедлив еще немного, прошел наконец мимо нас.

Я был потрясен этим доказательством уважения к моему дедушке. Но тут мы увидели, что прибыли на Главную улицу и находимся как раз напротив муниципалитета. Дедушка с достоинством сошел на нижнюю площадку и, выйдя из трамвая, направился к низкому зданию; несколько ступенек вели к двери с большой медной дощечкой, на которой едва можно было прочесть: «Дункан Мак-Келлар, поверенный». Окна по обе стороны двери были до половины затянуты тонкой белой материей; на одном из них выцветшими золотыми буквами было написано: «Ливенфордское строительное общество», на другом — «Страховая компания Рока». Как только мы подошли к конторе, вся важность дедушки исчезла, он явно присмирел; однако это не помешало ему соорудить забавную гримасу, когда весьма неприглядная женщина, в платье с засаленными манжетами, высунулась из окошечка и сурово заявила нам, что мистер Мак-Келлар занят — у него мэ́р — и нам придется подождать. Я скоро убедился, что дедушка вообще терпеть не может уродливых женщин — на лице его при виде их неизменно появлялась этакая забавная гримаса.

Минут через пять дверь, ведущая в комнаты, открылась, и дородный мужчина с темной бородой вышел в приемную, на ходу надевая шляпу. Его внимательный взгляд смутил меня; внезапно, хмуро и неодобрительно взглянув на дедушку, он остановился перед нами.

— Так это и есть тот самый мальчик?

— Да, мэ́р, — ответил дедушка.

Мэ́р пристально оглядел меня еще и еще раз, точно знал мою жизнь лучше меня самого; он явно припомнил какие-то события, связанные со мной, и были они такими страшными и возмутительными, что я весь задрожал от стыда и ноги у меня подкосились.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮНЫЕ ГОДЫ

Часть первая	7
Часть вторая	191
Часть третья	283

ПУТЬ ШЕННОНА

Часть первая	393
Часть вторая	470
Часть третья	551
Часть четвертая	609

Кронин А.

К 83 Юные годы ; Путь Шеннона : романы / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. Т. Кудрявцевой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 704 с. – (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-18686-6

Романная дилогия шотландского писателя Арчибальда Кронина «Юные годы» (1944) и «Путь Шеннона» (1948) во многом автобиографична. Ранняя смерть родителей вынуждает шестилетнего Роберта Шеннона искать приют в доме родственников, которые начинают соперничать друг с другом за влияние на мальчика. Трудности взросления, конфликты со сверстниками, первая дружба и первое предательство, бедность, принадлежность к католическому религиозному меньшинству и, как следствие, косые взгляды окружающих — все это доведется испытать Роберту в его детские и отроческие годы. Однако, целеустремленный и упорный, он находит в себе силы сохранить верность своим увлечениям и честолюбивым мечтам, вырваться из тесного для него провинциального мирка, осознать свое научное призвание и сделать первые шаги в профессии. Во втором романе дилогии Роберт — молодой амбициозный врач-инфекционист, недавно вернувшийся с войны, работающий в научно-исследовательском институте и стоящий на пороге этапного открытия в области бактериологии, — сталкивается с завистью коллег и бюрократическими интригами и, не умея идти на компромиссы, теряет место и вынужденно становится практикующим врачом, параллельно продолжая свои изыскания. Ему также приходится пройти испытание любовью к красивой и умной Джин Лоу, чье благополучное и обеспеченное будущее, расписанное наперед ее родителями, после встречи с Робертом уже не может быть прежним...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН

ЮНЫЕ ГОДЫ

•
ПУТЬ ШЕННОНА

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Светлана Федорова, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.09.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 31,02. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AKB-27319-01-R